

ВОЙНА И МИР

Выполнила студентка:
Сидельцева В.В.
Мс-193д

История создания

К "Войне и миру" Толстой шел трудно - впрочем, легких путей в его жизни не было.

Толстой блистательно вступил в литературу с первой же своей вещью - начальной частью автобиографической трилогии "Детство" (1852). "Севастопольские рассказы" (1855) упрочили успех. Молодого писателя, вчерашнего армейского офицера, радостно приветствовали петербургские литераторы - особенно из числа авторов и сотрудников "Современника" (Некрасов первый прочел рукопись "Детство", высоко оценил ее и напечатал в журнале). Однако общность взглядов и интересов Толстого и столичных писателей нельзя переоценить. Толстой очень скоро стал отдаляться от собратьев по перу, более того - всячески подчеркивал, что ему чужд самый дух литературных салонов.

В Петербург, где ему раскрывала объятия "передовая писательская общественность", Толстой прибыл из Севастополя. На войне, среди крови, страха и боли, было не до развлечений, как и не до интеллектуальных бесед. В столице он спешит наверстать упущенное - делит время между кутежами с цыганами и беседами с Тургеневым, Дружининым, Боткиным, Аксаковыми. Однако если цыгане не обманули ожиданий, то "беседы с умными людьми" уже через две недели перестали занимать Толстого. В письмах к сестре и брату он зло острил, что "умная беседа" с писателями ему нравится, но он "слишком уж отстал от них", в их обществе "хочется развалиться, снять штаны и сморкаться в руку, а в умной беседе хочется соврать глупость". И дело не в том, что кто-то из петербургских литераторов был лично неприятен Толстому. Он не принимает самой атмосферы литературных кружков и партий, всей этой околотолстойской суеи. Писательское ремесло - дело одинокое: один на один с листом бумаги, со своей душой и совестью. Никакие привходящие кружковые интересы не должны влиять на написанное, определять позицию автора. И в мае 1856 года Толстой "бежит" в Ясную Поляну. С этого момента он лишь ненадолго покидал ее, никогда не стремясь вернуться в свет. Из Ясной Поляны путь был только один - к еще большей простоте: к аскетизму странника.

Дела литературные сочетаются с простыми и ясными занятиями: устройство дома, хозяйства, крестьянские труды. В этот момент проявляется одна из важнейших черт Толстого: писательство кажется ему неким уходом от настоящего дела, подменой. Оно не дает права со спокойной совестью есть выращенный крестьянами хлеб. Это мучает, угнетает писателя, заставляет его все больше времени проводить вдали от письменного стола. И вот в июле 1857 года он находит занятие, позволяющее постоянно трудиться и видеть реальные плоды этого труда: Толстой открывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей. Не к элементарному ликбезу направлены усилия Толстого-учителя. Он стремится пробудить в ребятах творческие силы, активизировать и развить их духовный и интеллектуальный потенциал.

Работая в школе, Толстой все глубже вживался в крестьянский мир, постигал его законы, психологические и нравственные устои. Этот мир простых и ясных человеческих взаимоотношений он противопоставлял миру дворянскому, миру образованному, цивилизацией увиденному от вековечных устоев. И противопоставление это было не в пользу людей его круга.

Чистота помыслов, свежесть и точность восприятия его босоногих учеников, их способность к усвоению знаний и творчеству заставила Толстого написать резко полемическую статью о природе художественного творчества с шокирующим названием: "Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?"

Вопрос народности литературы всегда был одним из важнейших для Толстого. И обратившись к педагогике, он еще глубже проникал в суть и законы художественного творчества, искал и обретал прочные "точки опоры" своего писательского "самостоянья".

Расставание с Петербургом и обществом столичных литераторов, поиски своего направления в творчестве и резкий отказ от участия в общественной жизни, как ее понимали революционные демократы, занятия педагогикой - все это черты первого кризиса в творческой биографии Толстого. Блистательное начало осталось в прошлом: все, написанное Толстым во второй половине 50-х годов ("Люцерн", "Альберт"), успеха не имеет; в романе "Семейное счастье" разочаровывается сам автор, он бросает работу неоконченной. Переживая этот кризис, Толстой стремится полностью переосмыслить свое миропонимание, чтобы жить и писать иначе.

Начало нового периода знаменует переработанная и завершенная повесть "Казаки" (1862). И вот в феврале 1863 года Толстой приступает к работе над романом, который впоследствии обретет название "Война и мир".

"Так начиналась книга, на которую будет потрачено семь лет непрерывного и исключительного труда при наилучших условиях жизни." Книга, в которую вместились годы исторических разысканий ("целая библиотека книг") и семейные предания, трагический опыт севастопольских бастионов и мелочи Яснополянского быта, проблемы, затронутые в "Детстве" и "Люцерне", "Севастопольских рассказах" и "Казаках" (Роман Л.Н. Толстого "Война и мир" в русской критике: Сб. статей. - Л., изд-во Ленингр. ун-та, 1989).

Начатый роман становится сплавом высших достижений раннего толстовского творчества: психологического анализа "Детства", правдоискательства и деромантизации войны "Севастопольских рассказов", философского осмысления мира "Люцерна", народности "Казаков". На этой сложной основе формировался замысел романа нравственно-психологического и историко-философского, романа-эпопеи, в котором автор стремился воссоздать истинную историческую картину трех эпох русской истории и проанализировать их моральные уроки, постичь и провозгласить самые законы истории.

Первые замыслы нового романа возникают у Толстого в конце 50-х годов: роман о декабристе, возвратившемся с семьей из Сибири в 1856 году: тогда главных героев звали Пьер и Наташа Лобазовы. Но этот замысел был оставлен - и вот в 1863 году писатель вернулся к нему. "По мере движения замысла шли напряженные поиски заглавия романа. Первоначальное, "Три поры", вскоре перестало отвечать содержанию, потому что от 1856 и 1825 годов Толстой все дальше уходил в прошлое; в центре внимания оказывалась только одна "пора" - 1812 года. Так появилась иная дата, и первые главы романа публиковались в журнале "Русский вестник" под заглавием "1805 год". В 1866 году возникает новый вариант, уже не конкретно-исторический, а философский: "Все хорошо, что хорошо кончается". И, наконец, в 1867 году - еще одно заглавие, где историческое и философское образовали некое равновесие, - "Война и мир"...

В чем суть этого последовательно развивавшегося замысла, почему, начав с 1856 года, Толстой пришел к 1805? В чем суть этой временной цепочки: 1856 - 1825 - 1812 - 1805?

1856 год для 1863, когда начата работа над романом, - современность, начало новой эпохи в истории России. В 1855 году умер Николай I. Его преемник на престоле - Александр II - амнистировал декабристов, позволил им вернуться в центральную Россию. Новый государь готовил реформы, которые должны были коренным образом преобразовать жизнь страны (главная из них - отмена крепостного права). Итак, задумывается роман о современности, о 1856 годе. Но это современность в историческом аспекте, ибо декабризм возвращает нас к 1825 году, к восстанию на Сенатской площади в день принесения присяги Николаю I. Более 30-ти лет прошло с того дня - и вот чаяния декабристов, хотя и частично, но начинают сбываться, дело их, за которое три десятилетия они провели в тюрьмах, "каторжных норах" и на поселениях - живо. Какими глазами увидит обновляющееся Отечество декабрист, на тридцать с лишним лет с ним расставшийся, выведенный из активной общественной жизни, знавший реальную жизнь России николаевской лишь издали? Кем покажутся ему нынешние реформаторы - сыновьями? последователями? чужаками?

Любые исторические произведения - если это не элементарная иллюстрация и не стремление безнаказанно фантазировать на историческом материале - пишутся, для того чтобы глубже понять современность, отыскать и осознать истоки дня сегодняшнего. Именно поэтому Толстой, вдумываясь в суть происходящих на его глазах перемен, в будущее, ищет их истоки, ибо понимает, что воистину эти новые времена начались не вчера, но много раньше.

Итак, от 1856 года к 1825. Но ведь восстание 14 декабря 1825 года тоже не начало: это лишь исход - и трагический исход! - декабризма. Как известно, образование первой организации декабристов, "Союза Спасения", относится к 1816 году. Для того чтобы создать тайное общество, будущим его членам необходимо было выносить и сформулировать общие "протесты и надежды", увидеть цель и осознать, что достичь ее можно, лишь объединившись. Следовательно, и 1816 год - не исток. И тогда все концентрируется на 1812 годе - начале Отечественной войны.

Общепринятая точка зрения на истоки декабризма известна: победив "непобедимого Наполеона", пройдя пол-Европы в освободительном походе, познав военное братство, которое превыше чинов и сословных перегородок, русское общество вернулось к той же лживой, извращенной государственной и социальной системе, что была и до войны. И лучшие, наиболее совестливые, смирились с этим не смогли. Этот взгляд на истоки декабризма поддерживает и известное высказывание одного из декабристов: "Мы были дети двенадцатого года..."

Однако и этот взгляд на восстание декабристов из 1812 года не кажется Толстому исчерпывающим. Слишком элементарна, подозрительно проста для него эта логика: победили Наполеона - осознали свою силу - увидели свободную Европу - вернулись в Россию и ощутили необходимость перемен. Не явной исторической последовательности событий ищет Толстой, а философского осмысления истории, познания ее законов. И тогда начало действия романа переносится в 1805 год - в эпоху "восхождения" Наполеона и проникновения в русские умы "наполеоновской идеи". Это и становится для автора той точкой отсчета, в которой сконцентрированы все противоречия декабристской идеи, на многие десятилетия определившей ход российской истории.

О романе "Война и мир"

Роман «Война и мир» получил большой успех. Отрывок из романа под названием «1805 г.» появился в «Русском вестнике» 1865 г.; в 1868 г. вышли три его части, за которыми вскоре последовали остальные две.

Признанный критикой всего мира величайшим эпическим произведением новой европейской литературы, «Война и мир» поражает уже с чисто технической точки зрения размерами своего беллетристического полотна. Только в живописи можно найти некоторую параллель в огромных картинах Паоло Веронезе в венецианском Дворце дождей, где тоже сотни лиц выписаны с удивительной отчетливостью и индивидуальными выражением. В романе Толстого представлены все классы общества, от императоров и королей до последнего солдата, все возрасты, все темпераменты и на пространстве целого царствования Александра. Что еще более возвышает его достоинство как эпоса — это данная им психология русского народа. С поражающим проникновением изобразил Толстой настроения толпы, как высокие, так и самые низменные и зверские (например, в знаменитой сцене убийства Верещагина).

Везде Толстой старается схватить стихийное, бессознательное начало человеческой жизни. Вся философия романа сводится к тому, что успех и неуспех в исторической жизни зависит не от воли и талантов отдельных людей, а от того, насколько они отражают в своей деятельности стихийную подкладку исторических событий. Отсюда его любовное отношение к Кутузову, сильному не стратегическими знаниями и не геройством, а тем, что он понял тот чисто русский, не эффектный и не яркий, но единственно верный путь, которым можно было справиться с Наполеоном. Отсюда же и нелюбовь Толстого к Наполеону, так высоко ценившему свои личные таланты; отсюда, наконец, возведение на степень величайшего мудреца скромнейшего солдатика Платона Каратаева за то, что он сознает себя исключительно частью целого, без малейших притязаний на индивидуальное значение. Философская или, вернее, историософическая мысль Толстого большей частью проникает его великий роман — и этим-то он и велик — не в виде рассуждений, а в гениально схваченных подробностях и цельных картинах, истинный смысл которых нетрудно понять всякому вдумчивому читателю.

В первом издании «Войны и мира» был длинный ряд чисто теоретических страниц, мешавших цельности художественного впечатления; в позднейших изданиях эти рассуждения были выделены и составили особую часть. Тем не менее, в «Войне и мире» Толстой-мыслитель отразился далеко не весь и не самыми характерными своими сторонами. Нет здесь того, что проходит красною нитью через все произведения Толстого, как писанные до «Войны и мира», так и позднейшие — нет глубоко пессимистического настроения. И в «Войне и мире» есть ужасы и смерть, но здесь они какие-то, если можно так выразиться, нормальные. Смерть, например, князя Андрея Болконского принадлежит к самым потрясающим страницам всемирной литературы, но в ней нет ничего разочаровывающего и принижающего; это не то, что смерть гусара в «Холстомере» или смерть Ивана Ильича. После «Войны и мира» читателю хочется жить, потому что даже обычное, среднее, серенькое существование озарено тем ярким, радостным светом, который озарял личное существование автора в эпоху создания великого романа.

В позднейших произведениях Толстого превращение изящной, грациозно кокетливой, обаятельной Наташи в расплывшуюся, неряшливо одетую, всецело ушедшую в заботы о доме и детях помещицу производило бы грустное впечатление; но в эпоху своего наслаждения семейным счастьем Толстой все это возвел в перл создания.

Позже Толстой скептически относился к своим романам. В январе 1871 года Толстой отправил Фету письмо: «Как я счастлив,.. что писать дребедени многословной вроде „Войны“ я больше никогда не стану»

6.12.1908 года Толстой записал в дневнике: «Люди, любят меня за те пустяки — „Война и мир“ и т. п., которые им кажутся очень важными»

Летом 1909 года один из посетителей Ясной Поляны выражал свой восторг и благодарность за создание «Войны и мира» и «Анны Карениной». Толстой ответил: «Это все равно, что к Эдисону кто-нибудь пришёл и сказал бы: „Я очень уважаю вас за то, что вы хорошо танцуете мазурку“. Я приписываю значение совсем другим своим книгам.»

Аустерлицкое сражение

Аустерлиц (Русско-австро-французская война, 1805). Сражение в районе Аустерлица (ныне чешский город Словаков) между русско-австрийской армией под командованием генерала М.И. Кутузова (86 тыс. чел.) и французской армией под командованием императора Наполеона (73 тыс. чел.) 20 ноября 1805 г. В союзной армии находились русский и австрийский монархи, поэтому сражение получило название «Битва трех императоров».

Кутузов изначально был противником сражения. После успешного завершения Ульмско-Ольмюцкого марш-маневра российский командующий предлагал и дальше отходить, чтобы заманивать французов на восток и еще больше растянуть их коммуникации, выигрывая по ходу дела от прибытия к союзникам новых подкреплений. Но молодой император Александр I и его близкое окружение, самоуверенное и нетерпеливое, вынашивали честолюбивые планы, мечтая о немедленной боевой славе. Подталкиваемый австрийцами, которые стремились скорее освободить Вену от французов, российский император настоял на переходе в решительное наступление.

Кутузовский проект был отвергнут, и союзное войско двинулось навстречу армии Наполеона. 16 ноября произошел авангардный бой у Вишау. В нем 56 русских эскадронов, поддержанные пехотой, лихо прогнали 8 французских. Кстати, стычка у Вишау стала первым боевым крещением императора Александра I. Подыгрывая наступательному порыву союзников, французский император отвел войска за деревню Аустерлиц и даже оставил господствующие над местностью Праценские высоты. Тем самым Наполеон фактически приглашал союзников атаковать его в поле.

Отход на левом фланге возглавил не поддавшийся общей панике генерал Д.С. Дохтуров. Он сплотил вокруг себя остатки разбитых частей и с честью пробился с ними из окружения. Многие пытались отходить через уже замерзшее озеро Зачан. Однако его тонкий лед был разбит огнем французской артиллерии, и немало солдат утонуло. Многие сдались в плен, в частности командир одной из колонн — генерал И.Я. Пшибышевский (по возвращении в Россию он был разжалован в рядовые). В плену мог очутиться и император Александр 1. В возникшей неразберихе он был покинут свитой и какое-то время оставался на поле боя лишь с личным медиком и двумя казаками.

Союзники потерпели сокрушительное поражение. Они потеряли убитыми, ранеными и пленными треть своей армии (27 тыс. чел., из них — 21 тыс. русские). Кроме того, они лишились большей части своей артиллерии — 158 орудий (из них 133 русских). В бою был ранен Кутузов. Урон французов составил 12 тыс. чел. Аустерлиц изменил политический небосклон Европы, на котором теперь уверенно и ярко возшла звезда Наполеона Бонапарта. После этой битвы Третья антифранцузская коалиция фактически распалась. Австрия вышла из войны, подписав с Францией Пресбургский мир (1805). Аустерлиц — одно из самых жестоких поражений русской армии в XIX в. Здесь русским было нанесено первое за сто лет решительное поражение в генеральном сражении.

Схема Бородинского сражения

